

М. ВЕНДИТТИ

ИСТОЛКОВАНИЕ МОТИВОВ ИЗ ЭККЛЕЗИАСТА В XVIII ВЕКЕ: ВОЛЬТЕР В ПЕРЕВОДАХ ХЕРАСКОВА И КАРАМЗИНА

Определение переводческой деятельности в литературе XVIII в. как «состояние мыслей» хорошо выражает сущность ее функции: на основе данного «чужого» текста авторы-переводчики «даруют» разные его интерпретации.¹ В соответствии с известными стихами Сумарокова из «Эпистолы о русском языке»² переводимый художественный текст понимается как содержательный, идейный материал, который находит свое выражение в «случайной» языковой форме. Данная концепция отражает тогдашнюю философию языка (Локк, Лейбниц, Вольф), следуя которой главная языковая функция — обозначающая, а словесное выражение является только носителем идей, в принципе универсальных.

Исходный текст, таким образом, понимается переводчиком как повод для обработки данного содержания и как возможность изложения новых тем на родном языке. Переводчик заодно доказывает

¹ *Гуковский Г.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 251—276. Статья Гуковского «К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы)» стала объектом обсуждения в связи с понятием «плагиата», точнее, в связи с его наличием или отсутствием в сознании автора XVIII в.: *Живов В.* XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // *Гуковский Г.* Ранние работы... С. 25—28; *Клейн И.* Русский Буало? (Эпистола Сумарокова «О стихотворстве» в восприятии современников) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 42—47; *Николаев С.* Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3—19. О понимании переводческой деятельности как «соревнования с автором», по определению итальянского литератора и переводчика М. Чезаротти (Melchiorre Cesarotti), см. сборник статей: *A gara con l'autore. Aspetti della traduzione nel Settecento / A cura di A. Bruni, R. Turchi.* Roma, 2004.

² «Не мни, переводя, что склад в творце готов / Творец дарует мысль, но не дарует слов» (*Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 114).

многообразии выразительных средств родного языка и проверяет свои творческие возможности.

Общая масса иностранных литературных текстов предстает как обширное собрание материалов для собственной переработки. Все они воспринимаются как современные, без различия времени или пространства, будь то Гораций или Вольтер, Библия или Анакреон.³

Среди характерных черт литературного перевода XVIII в. выделяются анонимность и/или коллективность, а также интертекстуальные связи не только с подлинником, но и с другими современными переводами того же текста. Переводные тексты, отрешенные от конкретных обстоятельств их возникновения, появляются зачастую либо без указания имени автора подлинника, либо с неопределенным указанием «из иностранного автора», «из французского автора» и т. п.; встречаются переводы с модифицированным заглавием, иногда меняется жанр, например стихотворный текст переводится прозой или наоборот.

Интересным примером концепции перевода XVIII в. является переработка Херасковым и Карамзиным «Мыслей из Экклезиаста» Вольтера. Сопоставление этих текстов и их анализ имеют целью показать, каким образом данные писатели, исходящие из разных установок, переосмысливают тематику одной из наиболее известных книг Библии.

Коэлет, или Экклезиаст, — одна из поэтических книг Ветхого Завета, авторство которой приписывается Соломону, наряду с Песнью песней, Притчами и Книгой Премудрости. Еврейское слово *коэлет* со значением «ведущий, проповедующий в собрании» было переведено на греческий как *ekklasiastes* («участник собрания») от слова *ekklesia* («собрание»); в Септуагинте и Вульгате оно обретает значение «проповедник»; то же самое налицо у Лютера и в русской Библии, где принято название «Книга Экклезиаста, или Проповедника». Экклезиаст, поэт-повествователь, традиционно отождествляется с Соломоном.

Книга Экклезиаста, одна из наиболее загадочных книг Библии, являлась всегда объектом различных, часто противоположных, чтений. Она состоит из двенадцати глав, объемом от 10 до 30 стихов. Примерно половину этой поучительной книги составляют изречения и сентенции в виде двустижий. То, что для греческого мира представляется гармонией вселенной, для Экклезиаста является хаосом, а ничтожность человеческого бытия подчеркивается повторением слова «хевел» («суета»).

Суровые библейские размышления о преходящем характере человеческого существования заключают в себе соображения о те-

³ Лотман Ю. Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. М., 1997. [Вып.] 2. С. 416—423.

чении времен, о разрыве между вечностью и смертью. Повторение циклических процессов природы, неизбежность смерти, которая уравнивает всех, выражена знаменитым изречением «суета сует», *vanitas vanitatum*.

Идея бренности мира, *vanitas mundi*, становится впоследствии одной из главных тем литературы и искусства; данный мотив проходит через историю западной культуры от средневековых *Totentanz* и *dance macabre* до эпохи барокко, где торжествуют скелеты, черепа и песочные часы.

Литературное мышление XVIII в. наследует эти библейские мотивы и истолковывает их по-своему. Темы Экклезиаста вписываются в духовное настроение человека этого столетия: нравственные поучения выражены в форме афоризмов и апофтегм, отвечающих на вопрос о смысле и месте человеческого бытия во вселенной. Переложение поэтических книг Библии входит в состав очень распространенного жанра духовных од.

Как заметил Лагарп, в творчестве Вольтера Библия занимала всегда центральное место: философ тщательно изучал не только ее, но и литературу о ней.⁴ Для Вольтера Библия была литературным произведением и источником противоположных впечатлений; в нее объединяются, с одной стороны, рациональное желание опровергнуть все, что не соответствует исторической действительности, и, с другой — увлечение ее рассказами и поэтическими книгами.

Сочинение Вольтера «*Précis de l'Ecclésiaste*» связано с просьбой маркизы де Помпадур переложить для нее псалмы для духовных упражнений. Философ объясняет свой отказ указанием на большое количество имеющихся уже собраний псалмов. Вместо этого он решил переложить для нее другие части Библии, обращаясь к двум внешне противоположным книгам Ветхого Завета: к Экклезиасту — провозглашению бренности всего земного и преходящего и к Песни песней — торжественному славословию земной любви.⁵

Вольтеровы переложения этих книг были напечатаны вместе в 1759 г. под названиями «*Précis de l'Ecclésiaste*» и «*Précis du Cantique des cantiques*». Их мгновенно осудила церковная цензура: было приказано их разорвать и сжечь публично.⁶

⁴ *La Harpe J. F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1834. Т. I. P. 171.*

⁵ Песнь песней принято истолковывать как в христианском, так и еврейском богословии чисто аллегорически; именно так, например, Державин воспринимает эту библейскую книгу, представляющую собой образец литературного жанра идиллии; в его стихотворении «Соломон и Суламита» отсутствуют всякие оттенки конкретной любви, живого любовного чувства.

⁶ См.: *Voltaire. Œuvres complètes. Paris, 1827. Т. 15: Poèmes et discours.* В собрании стихотворений Фридриха II «*Poésies diverses du philosophe de Sans Souci*» 1760 г. имеется произведение «*Paraphrase des Predigers Salomo*», воспроизводящее формальные признаки «*Précis*» Вольтера; Державин переложил эти стихи Фридриха в «*Читалагайских одах*» 1774—1775 гг., разработав

Вольтер открывает свое изложение Экклезиаста двумя вводными прозаическими текстами: эпистолой-посвящением Фридриху II («*Épître dédicatoire au Roi de Prusse*») и «Предупреждением автора» («*Avertissement de l'auteur*»). Здесь Вольтер объясняет главные принципы своего переложения книги Соломона и согласно с критическим подходом Нового времени актуализирует библейский текст и его «автора».⁷

В «Предупреждении автора» Вольтер определяет свой «*Précis*» как «вольный перевод»; точный перевод ветхозаветной книги с ее восточным стилем невозможен. Вольтер в принципе противопоставляет Святого Духа, вдохновителя Экклезиаста, Разуму, внушившему ему «*Précis*»:⁸ божественный дух не нуждается в методе, для него допустимы повторы, перескакивание с одной темы на другую, противоречия и вольности;⁹ разумному же стилю, наоборот, необходима логическая связь. Чтобы передать смысл Экклезиаста, Вольтеру надо было собрать и упорядочить главные мотивы библейской книги, ибо главная задача светского автора состоит в «сокращении» священной книги.¹⁰

Вольтер видит актуальное значение и ценность мудрости Экклезиаста в том, что эта книга представляет собой настоящий «курс нравственности для светских людей» («*c'est un cours de morale fait pour les gens du monde*»); в ней не только определена ничтожность человеческих дел, но и одновременно предписано, как разумно пользоваться подаренными Богом благами.

впервые столь важную для него тему бессмертия души. См.: Алексеева Н. Ю. Державинские оды 1775 года. (К вопросу о реформе оды) // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 75—92.

⁷ После указания на сходство между прусским королем и Соломоном (оба они короли, философы и поэты) французский философ пишет с острой иронией о преимуществе Фридриха перед Соломоном: в отличие от последнего у прусского короля нет сотен любовниц и жен; обстановки, совсем не подобающей мудрецу: «*C'est une nouvelle raison pour dédier cet ouvrage à Votre Majesté. Elle a sur Salomon l'avantage de faire des vers, et de n'être point tirailée par sept cents épouses, dites légitimes, et par trois cents drôlesses, dites concubines ou femmes du second rang; ce qui ne convient pas trop à un sage*» (*Voltaire. Œuvres complètes. T. 15. P. 203*).

⁸ Вольтер продолжает свою провокацию, уточняя, что рациональная установка неизбежно влечет за собой возможность ошибок, пахнущих ересью.

⁹ В противоположность этому именно указанные Вольтером черты «восточного стиля», определяющие библейскую поэзию, составляют для Державина главные достоинства лирической оды, т. е. «вдохновение», «безпорядок» и «перескоки», ибо «она не наука, но огонь, жар, чувство» (*Державин Г. Сочинения: В 9 т. С объяснит. прим. Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 518, 522 и след.*).

¹⁰ «*Le sentiment de sa propre insuffisance a forcé le traducteur à rassembler en un corps les idées qui sont répandues dans ce livre avec une sublime profusion; à y mettre une liaison nécessaire pour nous, et un ordre qui était inutile à l'Esprit saint; et enfin à prendre un vol moins hardi, convenable à un laïque qui donne l'abrégé d'un livre divin*» (*Voltaire. Œuvres complètes. T. 15. P. 205—206*).

«Précis de l'Ecclésiaste» состоит из 42 строф, причем регулярно чередуются три восьмисложных шестистишия и три двенадцатисложных четверостишия; рифмовка строф нерегулярна: встречаются вперемешку перекрестные и охватные рифмы. Последние три главы Экклезиаста почти не привлекли внимания Вольтера. Основные источники философа — это Вульгата и «Biblia breves in eadem annotationes» 1532 г.¹¹

Главные приемы передачи смысла библейской книги Вольтером заключаются в следующем: во-первых, исходящий из первенства разума взгляд философа на мировоззрение Экклезиаста подчиняет все высказывания логической оппозиции «истинный/ложный»; во-вторых, значительно смягчается резкость и суровость библейских суждений, не подходящих, по мнению автора, к современному мироощущению.

В русской литературе тематика Экклезиаста появляется и распространяется в середине XVIII в. в стихотворениях А. П. Сумарокова (например, «Час смерти», «Море и вечность» 1759 г., «Ода на суету мира» 1763 г.), М. М. Хераскова («Стансы», «Оды поучительные», «Оды анакреонтические») и в журналах «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763).

В 1770-е гг. масоны интенсивно переводят литературные произведения Вольтера, представляющие для них образец слияния рационализма с религиозным духом. В частности, размышления о бренности земного мира ведут к усиленному обсуждению актуального в XVIII в. вопроса о бессмертии души.¹²

Творчество М. М. Хераскова сравнительно мало изучено; в частности, рассматриваемое здесь произведение до сих пор почти не привлекло внимания исследователей.¹³

¹¹ Эта Библия находилась в библиотеке Пушкина. См.: Якубович Д. Пушкин в библиотеке Вольтера // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 905—922.

¹² Именно во второй половине века древний философский вопрос о бессмертии души выдвигается на первый план. Этот предмет становится одним из главных объектов обсуждения в журналах, в университете (Д. Аничков, И. Кандорский, И. Шварц), в стихах и в прозе (В. Майков, Г. Державин, М. Щербатов, А. Радищев). Знаменитая книга «Phädon, oder Über die Unsterblichkeit der Seele» (1767) философа М. Мендельсона, прозванного Немцем Сократом, была переведена и опубликована впервые в 1777 г. в журнале «Утренний Свет» с большим комментарием. См.: Лузянина Л. Н. Литературно-философская проблематика трактата Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 52—66; Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века / Под ред: Т. В. Артемьевой. СПб., 1996; Кукушкина Е. Д. Тема бессмертия души у В. И. Майкова // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 177—184.

¹³ См.: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 49—51; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Драматургия. Поэзия / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1996. С. 170—171; Siclari A. Sentimentalismo e preromanticismo in Rus-

Херасков публикует анонимно свои «Почерпнутыя мысли из Экклезиаста» впервые в 1765 г. в университетской московской типографии; второе издание, значительно исправленное, выпускается в 1779 г. с добавлением «Первых трех глав из Премудростей Соломоновых», уже опубликованных в журнале «Утренний свет» годом раньше. В таком виде, с дополнительными исправлениями, «Мысли» Хераскова печатаются еще в 1786 г. и, наконец, они включены в «Творения» Хераскова 1796–1803 гг. (М., 1800. Ч. 7). С тех пор они больше не переиздавались.¹⁴

Исправления, внесенные Херасковым в последующие издания, касаются прежде всего стилистики и обновления устаревшего языка; в отдельных случаях значительно меняется смысл определенных метафор и выражений; последний вариант отличается от предыдущих и по количеству строф: в первых трех изданиях — 40 строф, а в последнем издании — 39.

Первые три отдельных издания Херасков сопровождает авторским предисловием, состоящим из трех частей: в первой прославлена премудрость Экклезиаста, дано содержание библейской книги и определена функция ее поучений; затем следует *topos modestiae* — заявление автора о собственной неспособности по сравнению с Соломоном-Экклезиастом; ему не достичь ни его «сладости писания», т. е. стилистического мастерства, ни глубины его мудрости, ибо восхищение пророка превышает рассуждения простого человека. В последней части поэт сообщает, что побудило его сочинить свое произведение: это именно «сокращение Экклезиаста на французском языке, одним великим стихотворцем недавно изданное. Но как ни того точно перевесть, ни всего Экклезиаста во стихи предложить для многих причин не возможно: то, не покидая следов мудраго Пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и что с нашим Писанием нашел несходное, отставил».

Таким образом, и Вольтер, и Херасков подчеркивают нравоучительную функцию ветхозаветной книги и ее актуальность.

Показательно, что Херасков не взялся за переработку самой Библии, как сделали многие литераторы XVIII в., но обратился к Экклезиасту через посредство Вольтера. В его вводных словах отражено понимание перевода как способа распространения и бытования общих тем, выраженных на разных языках. В своих стихах по мотивам Экклезиаста русский поэт ссылается одинаковым образом как на Вольтера, так и на Библию.

Херасков не сохраняет метрической и строфической структуры подлинника. Как и произведение Вольтера, «Почерпнутыя мысли»

sia. Milano, 1990. P. 17—18; Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001. С. 147.

¹⁴ В приложении воспроизводится полный текст стихотворения Хераскова по последнему изданию 1800 г., с указаниями всех вариантов предыдущих трех изданий.

состоят из четверостиший и шестистиший, однако стихи чередуются без определенного порядка; стихотворение написано ямбами, а количество стоп в отдельных строфах неодинаково. Херасков во всех изданиях, с первого до последнего, постоянно вводит исправления и изменения в свое произведение.

К вольтеровским стихам обращается также Н. М. Карамзин в своем стихотворении «Опытная Соломонова Мудрость, или Мысли, выбранные из Экклезиаста»;¹⁵ оно появляется в 1796 г. на страницах альманаха «Аглая». Карамзин явно придавал этому произведению важное значение, поскольку стихами из Экклезиаста он открывает свои прижизненные собрания сочинений.¹⁶

В отличие от Хераскова, у Карамзина нет предисловия и даже не упоминается имя французского философа. С другой стороны, внешняя форма стихотворения, количество строф и рифмовка полностью совпадают с произведением Вольтера.¹⁷

«Опытную Соломонову Мудрость» Карамзина принято считать выражением сентиментализма или предромантического духа, поскольку там встречаются характерные для данного периода поэтические образы мрака и ночи, прообразом которых являются «Ночные размышления» Э. Юнга.¹⁸

Обработка Карамзина своеобразна и резко отличается от переложений Вольтера и Хераскова. Слова Экклезиаста — это проповедь, речь, предлагающая нравственные поучения в форме сентенций.

¹⁵ Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 199—205.

¹⁶ Карамзин Н. М. Мои безделки. 2-е изд. М., 1797. Ч. 2; Карамзин Н. М. Сочинения. В 8 т. М., 1820. Т. 1.

¹⁷ О рассматриваемых здесь стихах Карамзина см.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Стихотворения. Л., 1966. С. 5—52; Заборов П. П. Русская литература и Вольтер. С. 95—98; История русской переводной художественной литературы... С. 170—171.

¹⁸ Первый полный прозаический перевод А. М. Кутузова, с комментарием И. В. Лопухина и других, был опубликован Типографической компанией в 1785 г. Об этом переводе см.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России. Исследования и материалы. Л., 1990. С. 150—152. В переводе много примечаний, объясняющих английский оригинал; комментатор обращается к читателю и подсказывает ему, как толковать текст. В одной лишь первой ночи, например, 24 примечания, причем некоторые занимают почти страницу. Знаменательно, что наиболее значительные места объясняются с привлечением Библии, в основном — Книги Иова. Экклезиаст по своему содержанию часто сопоставляется с Книгой Иова. Данные книги отличаются своей формой: если первая из них — это «внутренний монолог», то Книга Иова — это диалог с Богом. Но философской основой обеих ветхозаветных книг является глубокий скепсис: Иова мучит царящая в мире несправедливость, а Экклезиаста беспокоит его бессмысленность. Бог испытывает Иова до предела, чтобы затем вознаградить его за устойчивость веры; Экклезиаст, напротив, извлекает из своих горьких соображений о неизбежном хаотическом беспорядке окружающего мира положительный вывод: воспользоваться как можно лучше божественным даром жизни. Ср.: *De Benedetti P. Dal Dio di Guobbe al Dio di Qohelet // Qohelet: letture e prospettive. A cura di E. I. Rambaldi. Milano, 2006. С. 15—17.*

Чтобы передать этот афористический стиль, Вольтер и Херасков заключают в каждую строфу единое содержание, причем сами создают яркие сентенции. Карамзин, напротив, укладывает отдельные изречения в ряд строф, производя впечатление текучей речи, семантического *enjambement*; таким образом, строфы тесно связаны друг с другом. Дискурсивный тон стихов Карамзина выражается в наличии восклицаний, риторических вопросов, прямого обращения к адресату. Кроме того, если сопоставить строение поэтического образа с предыдущими авторами, то Карамзин переворачивает последовательность хода рассуждений.

К этому стихотворению неприемлемо определение Ю. Лотманом поэзии Карамзина как «прозаической», выраженной в стремлении не употреблять метафоры.¹⁹ Данные стихи, напротив, обладают очень сложной и риторически отделанной формой: в изобилии встречаются различные тропы, семантические и синтаксические фигуры.

Рассмотрим некоторые места, где более наглядно проявляются сходства и различия относительно поэтических приемов и переводческих концепций Вольтера, Хераскова и Карамзина.

При сопоставлении начала библейской книги и первых строф ее поэтических обработок выясняется, каким способом авторы излагают содержание Экклезиаста. Уже второй стих библейской книги содержит знаменитое аподиктическое изречение: «Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует, — все суета», после чего следует длинный ряд доказательств этого положения, опирающихся на собственный опыт Соломона-Экклезиаста.

Вольтер, а вслед за ним и русские поэты, превращает это изречение в заключительное высказывание каждой из первых трех строф; в них показывается скоротечность страстной молодости, материальных ценностей и научных знаний.

Рассмотрим ближе первые строфы произведений каждого из трех авторов:

Вольтер

Dans ma bouillante jeunesse,
J'ai cherché la volupté,
J'ai savouré son ivresse:
De mon bonheur dégoûté,
Dans sa coupe enchanteresse
J'ai trouvé la vanité.

Херасков

В кипящей младости моей
Имел в прохладах я забаву,

¹⁹ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина... С. 27—28.

Алкая сердцем и душой
Вкушать житейскую отраву,
Горька мне сладость ныне та,
Я рек: все в свете суета.

Карамзин

Во цвете пылких, юных лет
Я нежной страстью услаждался;
Но ах! Увял прелестный цвет,
Которым взор мой восхищался!
Осталась в сердце пустота,
И я сказал: «Любовь — мечта!»

Укажем на главные мотивы стихов Вольтера и на их преобразование русскими поэтами. Во второй главе Книги Экклезиаста Соломон рассказывает, как он решил развлекаться и наслаждаться вином, чтобы понять, в чем есть благо, но все эти опыты приводят к заключению об обманчивости плотских наслаждений.

У Вольтера наблюдается значительная амплификация присутствующих в библейском тексте тем; в первой строфе стихотворения, в частности, рифмуются и таким образом выделяются ключевые слова «*volupté/ivresse/dégoûté/enchanteresse*».

Херасков переводит первый стих французского поэта дословно; второй стих имеет два варианта: в первых трех изданиях вольтеровская *volupté* (похоть, сладострастие) превращается у него в нейтральную «забаву в роскошах», а в последнем он применяет более архаичное выражение «в прохладах». Карамзин тоже смягчает этот мотив, превращая похоть в чувствительную «нежную страсть».

Вольтеровская *ivresse* (опьянение), метафора власти чувств над разумом, выражена у Хераскова через образ «сладкой отравы»; Карамзин совсем опускает тему опьянения, заменяя его образом цветка и его увядания, почерпнутым, как увидим ниже, тоже из Экклезиаста.

Понятийная пара «*dégoûter—enchanter*» выражает у Вольтера отталкивание и притяжение, четко представляя внутреннее противоречие человеческого бытия. Херасков передает вольтеровский образ через оксюморон «горька мне сладость», развивая метафору вкуса. Карамзин изображает внутреннее состояние человеческого существа формулировкой «в сердце пустота».

Каждый из последних стихов первой строфы, передающий начальное изречение Экклезиаста о «суете сует», отличается друг от друга в соответствии с литературно-философской установкой их авторов.

У Вольтера это результат поиска, упомянутого во втором стихе: «*J'ai cherché/J'ai trouvé*». Херасков обращается к Библии и употребляет трафаретную форму «я рек» (*dixi ego*).

Последний стих Карамзина выделяется своей оригинальностью; поэт модернизирует формулу Хераскова («и я сказал») и подчеркивает первенство внутренних чувств. Слово «любовь» (которое встречается у Карамзина вместе с подобными 16 раз, в отличие от других авторов, где оно почти отсутствует) завершает амплификацию библейского образа наслаждения. Интересно, что Карамзин заменяет традиционное выражение «суета» понятием «мечта». Последнее встречается во многих стихотворениях середины века в значении «обман, плод воображения, призрак»;²⁰ примером может послужить сумароковская «Ода на суету мира» 1763 г.:

Почтем мы жизнь и свет мечтою;
что мы ни делаем, то сон,
живем, родимся с суетою...

Показательно, каким образом авторы передают самое знаменитое и известное изречение Экклезиаста «*nihil sub sole novum*» (1, 9), получившее в литературе широкое распространение как девиз: Вольтер: 15 «*Rien de nouveau sur la terre*»; Херасков: 14 «В подсолнечной прены нет»; Карамзин: 15 «Ничто не ново под луною».

Французский философ, не отступая от библейского смысла, остается на земле и представляет взгляд человека; Херасков дословно переводит библейскую формулировку; Карамзин выбирает третье положение, меняя традиционную образность изречения, и вводит мотив луны и ночную атмосферу; таким образом он придает предромантическую окраску своим стихам, ставшим образцовыми для ряда современных ему литераторов.²¹

Многочисленные образы из Экклезиаста нашли широкое распространение и стали шаблонными, выражая во всей остроте противоречия человеческого бытия. Среди них образ любви и женщины как символ обмана, оппозиция кратковременности и долговечности,²² которая в особенности увлекала воображение поэтов. Непостоянство всего земного, внешнего и преходящего, воплощается в образе женской любви и красоты — мотиве, характерном для эпохи Возрождения и барочной литературы.

²⁰ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2001. Вып. 12. С. 164—165. Отметим, что слова «суета» и «мечта» повторяются у Хераскова и Карамзина следующим образом: у Хераскова — 5 раз «суета» и 2 раза «мечта», в то время как у Карамзина все наоборот — 5 раз «мечта» и 2 раза «суета». Вольтер употребляет слово «*fantôme*» (призрак) однажды, а слова «*vanité/vain*» 7 раз. Интересно, что в Вульгате слово «суета» в книге Экклезиаста повторяется 32 раза, большинство из которых находится в начале, и постепенно их количество уменьшается к концу.

²¹ Например, у В. Жуковского в стихотворении «К Тибуллу» (1800): «Тибулл! Все под луною тленно!» (*Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 37*).

В сентенциях Соломона-Экклезиаста женщина представлена как источник соблазна и неперемного разочарования: «и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она — сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы» (7, 26), но и как необходимая спутница жизни: «Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей...» (9, 9).

Вольтер принимает эти противоречивые мотивы, а на русской почве — только Карамзин: у обоих, в девятой строфе, стихи посвящены обманчивой красоте:

Вольтер

Tu viens de trahir l'amour,
Et tu ris, beauté volage;
Un nouvel amant t'engage,
T'aime, et te quitte en un jour;
Et dans l'instant qu'il t'outrage
On le trahit à son tour.

Карамзин

Смотри: неверная смеется —
Любовник горестью сражен:
Она другому отдается,
Который ею восхищен;
Но скоро клятву он забудет,
И скоро... сам обманут будет.

Вольтер, наследник богатой поэтической традиции любовной лирики, прекрасно изображает привлекательность переменчивой женщины; Карамзин применяет другой прием: он открывает свою строфу деиктическим «смотри»; в двух словах («неверная смеется») он переводит две начальные строки Вольтера и развивает образ движения, круговорота страстей.²²

Стихи из девятой главы Экклезиаста о том, что надо провести жизнь в наслаждении с «женой», Вольтер и вслед за ним Карамзин переводят следующим образом:

Вольтер

³² Et qu'une compagne aimable
M'inspire un amour durable,
Sans trop régner sur mes sens.

Карамзин

³² Когда же тихая луна
Явится на небе с звездами,
Спешу к возлюбленной своей —
Забудь... на время мудрость с ней.
³³ Люби!.. но будь во всем умерен;
Пол нежный часто нам неверен;
Любя, умеи и разлюбить.

²² В связи с этим образом смеющейся женщины интересна трактовка смеха как обмана и в «Поэтике» Аристотеля. Суровое высказывание Экклезиаста в Вульгате: «risum reputavi errorem» — «О смехе сказал я: „глупость!“», а о веселье: „что оно делает?“» (Эккл. 2, 2) принято Вольтером и повторяется в его творчестве два раза: впервые в раннем «Discours sur l'homme» (1738) «la joie est passagère, et le rire est trompeur», второе в «Précis» (34, 4) «et le rire est trompeur». На русской почве находим мотив радости, точнее веселья, в первых трех вариантах Хераскова (31) «Что много веселит, то может обмануть»; в последнем — это мотив видимого, кажущегося: «Что взору только льстит, то может обмануть». У Карамзина этот мотив отсутствует.

Вольтер довольно близок к библейскому изречению и подчеркивает его суть в рифмующихся словах «*aimable/durable*»: любовь прочна, когда разум управляет чувствами. Так поэт-философ интерпретирует отношение кратковременности к долговечности, стоящее в центре размышлений Экклезиаста.

У Карамзина наблюдается амплификация этого мотива. Отметим, что по-разному переводится слово «жена» (в Вульгате — «ихог»): у Вольтера — «*compagne*», у Карамзина — «возлюбленная». Начертанная Карамзиным картина изображает ночную встречу с любовницей, т. е. «временную» страсть. Восстанавливаются повелительные формы *спеши/забудь/люби/будь/умей*, придающие изречениям в Экклезиасте проповеднический тон; у Карамзина они являются прямым обращением к адресату, к читателю. Развертывание данного мотива заключается осуждением «нежного пола» из-за неверности и провозглашением умеренности как защиты от неизбежного страдания.

Рассмотрим также образ увядания красоты как символа тленности; осознание ее преходящего характера и кратковременности влечет за собой размышления о смерти:

Вольтер

- 27 *La beauté dans son printemps
Brille pompeuse et chérie,
Semblable à la fleur des champs,
Le matin épanouie,
Le soir livide et flétrie,
En horreur à ses amants.*
- 28 *Ainsi tout se corrompt, tout se détruit, tout passe:
Mon oreille bientôt sera sourde aux concerts:
La chaleur de mon sang va se tourner en glace;
D'un nuage épaissi mes yeux seront couverts;*

Херасков

- 24 *Гордяся тленной красотой,
Красавица сердца прельщает.
Как ранней окропясь росой,
Листочки роза распускает;
Но старости наступит ночь,
Любовники уходят прочь.*
- 25 *Так все на свете сем минет, пройдет, исчезнет,
Приятна пения не буду слышать я;
Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет,
Померкнут очи, мысль притупится моя.*

- 27 Как розы юные прелестны!
И как прелестна красота!
Но что же есть она? мечта,
Темнеет цвет ее небесный,
Минута — и прекрасной нет!
Вздыхнув, любовник прочь идет.
- 28 Так всё проходит здесь — и скоро глас приятный
Умолкнет навсегда для слуха моего;
Сwirели, звуки арф ему не будут внятны;
Застынет в жилах кровь от хлада своего.

Вольтер описывает увядание цветка, за которым следует размышление о наступающей неизбежной старости. В 28-й строфе он переводит место из Экклезиаста, где иносказательно изображается преобразование отцветающего тела (12: 3–6); по мнению Вольтера, это одно из наиболее поэтических мест библейской книги. В Экклезиасте процесс старения человека описан очень подробно; Вольтер выбирает три аспекта: слух (*oreille*), зрение (*yeux*) и кровь (*sang*), метонимию теплоты жизни.

Херасков следует довольно близко вольтеровскому переложению, подчеркивая символический оттенок применяемой метафоры. 24-я строфа характеризуется аллитерацией; простой полевой цветок Вольтера заменяется у Хераскова насыщенной многозначностью розой; кроме этого в стихах Хераскова старость сравнивается с мраком ночи,²³ и это уподобление устанавливает связь с последним стихом следующей 25-й строфы: «Померкнут очи, мысль притупится моя».

Переложение Карамзина — яркий пример диалога с предыдущими текстами. В его 27-й строфе находим уподобление роза-красота, использованное Херасковым; дискурсивный тон передается восклицаниями и вопрошением, ответы становятся сентенциями. Карамзин описывает старение через амплификацию образа глухоты. То, что у Вольтера «concerts», у Хераскова — «приятна пения», а у Карамзина — «глас приятный, свирели, звуки арф».

Ненадежное положение человека во вселенной воплощается также в образе лодки — символа человеческой жизни; это представление принято всеми тремя поэтами:

Вольтер

- 13 Dans leur course vagabonde
Les mortels sont entraînés;
Frêles vaisseaux que sur l'onde

²³ В первом варианте своего стихотворения 1765 г. Херасков использует образ темноты без непосредственного указания на старость.

Battent les vents mutinés,
Et dans l'océan du monde
Au naufrage destinés.

Херасков

- 12 Сомнений смертный полн:
Куда идет, не знает;
То лодка между волн,
Которой ветер играет;
В просторном океане сем
И ночью реется и днем.²⁴

Карамзин

- 13 По грозной влаге Океана
Мы все плывем на корабле
Во мраке бури и тумана;
Плывем, спешим пристать к земле —
Но ветер ярится с новой силой,
И море... служит нам могилой.

Вольтер рисует четкое изображение, не выходя из области поэтического образа «лодки в море»; дальше он ясно выражает его смысл: «Tous sont également les vains jouets du sort».²⁵

Херасков интерпретирует образ лодки, исходя из философско-этической точки зрения, и открывает строфу, указанием на «сомнения», которые овладевают человеком; поэт передает это непрерывное состояние колебания через уточнение его временного измерения: ночью/днем. В отличие от Вольтера, который подчеркивает неизбежность смерти («Au naufrage destinés»), Херасков уже в первом стихе ограничивается применением общего названия человека — «смертный». Таким образом, Херасков изображает скорее стремление человека постигнуть тайну вселенной.

У Карамзина строфа начинается описанием «грозного Океана» и созданием яркого предромантического образа «мрака бури и тумана». Вслед за Вольтером Карамзин изображает море в образе могилы, подчеркивая единый конец всех людей.

Размышления о смерти особенно часто встречаются в библейском тексте. Привлекает внимание трактовка одного из изречений Экклезиаста поэтами-переводчиками. Если смерть уравнивает всех, положение в обществе не важно; главное — это жизнь, несмотря на

²⁴ В некоторых местах своих «Почерпнутых мыслей из Экклезиаста» Херасков прямо откликается на «Вечернее размышление о Божием Величестве» Ломоносова: «Сомнений полон ваш ответ / О том, что окрест ближних мест».

²⁵ Это место у Хераскова переведено «Равно и честной и злодей / Судеб игралищем бывают», а у Карамзина: «Ах! самый лучший из людей / Бывал игралищем страстей».

то что она полна трудностей и печалей; эти размышления Экклезиаста заключаются сентенцией: «так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (9, 4) (Вульгата: «melior est canis vivens leone morto»). Приведем перевод Вольтера и три варианта Хераскова, который, очевидно, придавал особое значение этому месту.

Вольтер

- 19 Un lion mort ne vaut pas
Un moucheron qui respire

Херасков

- 17 Но лев, лишенный духа,
Слабее нежели муха;
(1765)

Но самый червь одушевленный
Сильней, чем духа тигр лишенный.
(1779, 1786)

Но кто Престолом обладает,
Кто служит, всех земля сравниет.
(1800)

Как видим, уже Вольтер заменяет второй член сравнения, библейского пса, насекомым «moucheron», подчеркивая разницу в размере, а не в значимости. Варианты Хераскова показывают, какие он вносил изменения при построении этого поэтического образа: в 1765 г. он в этом месте следует Вольтеру, но вместо слова «мертвый» употребляет конструкцию «лишенный духа», сохраняя, таким образом, и библейский оттенок. Во втором варианте метафорика меняется; Херасков вводит пару «червь—тигр», и мерой сравнения становится сила. Конечный вариант принимает совершенно другой вид: поэт убирает образы животных и выбирает оппозицию «царь—подданный», раскрывая значение метафоры. Карамзин упускает это изречение, но воспроизводит общие рассуждения девятой главы Экклезиаста.

Тематика бессмертия души затронута и в третьей главе, где говорится о круговороте времен, о том, что у всех будет один и тот же конец, как у человека, так и у животного. Что будет после смерти, остается открытым вопросом, на который человек не может ответить (3: 20—22).

Вольтер

- 22 Quel homme a jamais su par sa propre lumière
Si, lorsque nous tombons dans l'éternelle nuit,
Notre âme avec nos sens se dissout toute entière,
Si nous vivons encore, ou si tout est détruit?

- 23 Des plus vils animaux Dieu soutient l'existence;
Ils sont, ainsi que nous, les objets de ses soins;

Il borna leur instinct et notre intelligence;
Ils ont les mêmes sens et les mêmes besoins.

- 24 Ils naissent comme nous, ils expirent de même:
Que deviendra leur âme au jour de leur trépas?
Que deviendra la nôtre à ce moment suprême?
Humains, faibles humains, vous ne le savez pas!

Херасков

- 20 Небытие предпочитаю,
Когда со бытием равняю
Сей жизни горесть и труды,
Печали, скорби и беды;
Обманчивый надежды свет,
Котору мрачный гроб возмет.
- 21 Из праха сотворен,
Во прах обратиш[ь]ся,
Перед скотом гордиш[ь]ся,
Но чем ты предпочтен?
Родиш[ь]ся ты равно, как скот, и умираешь;
Безпечно он живет, ты смертью ускоришь.
- 22 Известно ли уму
Вселенная начало?
Не сведом никому
Его предел ни мало;
Не знаем, здесь дыша,
Куда пойдет душа.²⁶

Карамзин

- 22 Что нас за гробом ждет, не знает и мудрец.
Могила, тление всему ли есть конец?
Угаснет ли душа с разрушенным покровом,
На небо ль воспарив, жить будет в теле новом?
- 23 Сей тайны из людей никто не разрешил.
И червя произвел Творец непостижимый;
Животные и мы его рукой хранимы;
Им так же, как и нам, Он чувство сообщил.
- 24 Подобно нам, они родятся, умирают.
Где будет их душа? где будет и твоя,
О бранный человек? В них чувства исчезают,
Исчезнут и во мне, увы! что ж буду я?

²⁶ Ср. «Вечернее размышление» Ломоносова: «Скажите ж, коль пространен свет? / И что малейших дале звезд? / Несведом тварей вам конец?»

В переложении этого места Вольтер добавляет примечание: человек не может постигнуть тайну смерти разумом, а только верой. Херасков в очередной раз отступает от Вольтера, чтобы обратиться прямо к Библии, к стиху 3, 20 из Экклезиаста: «Из праха сотворен, / Во прах преобратится». В 22-й строфе тема бессмертия души завершается философско-космогоническим рассуждением о смысле вселенной и о невозможности его постигнуть, заключаясь сентенцией: «Не знаем здесь дыша, / Куда пойдет душа». Карамзин тоже, как и Вольтер, добавляет в этом месте примечание, явно по цензурным причинам, убирая его в издании начала XIX в.; в отличие от Вольтера Карамзин хочет смягчить ветхозаветный скептицизм по отношению к бессмертию души, утверждая, что тайна смерти разрешена «откровением». Кроме того, в поэтических рассуждениях Карамзина наблюдается еще один мотив, отсутствующий у других авторов: «Угаснет ли душа с разрушенным покровом, / На небо ль воспарив, жить будет в теле новом?» Сентименталистский подход Карамзина к проблематике бессмертия души подчеркивает аспект ее проявления как индивидуальной личности; вопросительной формой приведенных выше стихов поэт, по-видимому, отмежевывается от учения о переселении душ, распространенного в масонской среде.²⁷

В итоге различные мировоззренческие установки приводят авторов к разным выводам в заключительных строках их стихотворений. Положительное в окончании библейской книги заключается в том, что следствием всех предыдущих размышлений является необходимость использовать как можно лучше божественный дар жизни. В Вульгате же добавлены позже в конце книги Экклезиаста слова: «Deum time et mandata eius observa» — «Бойся Бога и соблюдай Его предписания» (12, 13).

Последние строфы переложений Вольтера, Хераскова и Карамзина таковы:

Вольтер

- 42 L'homme est un vil atome, un point dans l'étendue;
Cependant du plus haut des palais éternels
Dieu sur notre néant daigne abaisser sa vue:
C'est lui seul qu'il faut craindre, et non pas les mortels.

Херасков

- 39 Пылинка человек и точка в мире сем,
Но от пресветлаго небеснаго чертога
Взирает на него, печется Бог о нем;
Не бойся никого, о смертный! бойся Бога.

²⁷ Я благодарю А. Сиклари (Парма) за разъяснение этого места.

- 41 Награда для него есть совесть, дух покойный.
 (Безумие и злость всегда враги уму;
 Внимания его их стрелы недостойны;
 Он ими не язвим: премудрость щит ему.)
- 42 Сияют перед ним бессмертия светилы;
 Божественный огонь блестит в его очах.
 Ему не страшен вид отверстыя могилы:
 Он телом на земле, но сердцем в небесах.

Уподобление человека точке во вселенной, типичный поэтический образ в духовной поэзии XVIII в., ярко выражает релятивизм Вольтера, образцово представленный в рассказе «Микромегас» (переведенном на русский язык Сумароковым в 1759 г.). Прилагательное «vil» (подлый) и существительное «néant» (ничто), относящиеся к человеческому существу, отмечают низость его положения во всех смыслах по сравнению с Богом; образ «palais éternels» (вечных чертогов) взят из пятой главы Экклезиаста (5, 1).

Херасков объединяет в последней строфе своего стихотворения некоторые вольтеровские образы с библейскими; притом он убирает указания на ничтожность человека и вводит библейский мотив «timor Dei».

Заключение у Карамзина занимает две строфы и заметно отличается от концовок других авторов. Карамзин описывает качества «великого мужа», представляющего собой образец праведника; эти качества чисто внутренние, управляемые премудростью: он не боится смерти, ибо она является, согласно масонскому учению, лишь преображением. Через смерть человек становится бессмертным, совершая свое обожествление. У Карамзина, таким образом, нет противопоставления высокого и низкого, присущего Вольтеру и Хераскову; человеческое бытие включает в себе как материальный мир, так и духовный: «Он телом на земле, но сердцем в небесах». Это выразительный образ понимания нового человека в духовном мышлении XVIII в. «Соломонова Мудрость» Карамзина пользовалась большим успехом среди современников и стала объектом подражаний.

Из данного анализа можно сделать некоторые обобщающие выводы, касающиеся как индивидуального подхода каждого автора, так и переводческой практики XVIII в. в целом. Экклезиаст Вольтера — это глашатай его собственного скептицизма; в поэтическом изложении этого «курса нравственности» философ выражает свое пессимистическое представление о положении человека в мире. Херасков тоже подчеркивает дидактическое, чисто нравственное, значение библейской книги; при этом русский поэт отдает предпочтение абстрактным образам, исключая более конкретные. Карамзин

в значительной степени отличается от первых двух, восстанавливая первичный характер «внутреннего монолога» Экклезиаста и переводя его в плоскость сентиментализма; поэт стремится подчеркнуть оптимистическую сторону библейского поучения, прославляя «любовь» во всех ее значениях. Итак, переводческая деятельность этих авторов представляет собой пример усвоения библейского содержания и его интерпретацию в соответствии с собственными философскими, стилистическими и поэтическими концепциями.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В основу настоящей публикации легло последнее прижизненное издание «Почерпнутых мыслей из Экклезиаста», опубликованное в седьмой части «Творений» Хераскова 1800 г. (С. 3–13). Текстуальные варианты предыдущих изданий помечены следующими буквами:

- А — Почерпнутые мысли из Экклезиаста. Печатано при Имп. Моск. Университете 1765 года.
- Б — Почерпнутые мысли из Экклезиаста, с присовокуплением первых трех глав из премудростей Соломоновых. Издание второе вновь пересмотренное и во многих местах исправленное. М.: Университетская Типография, 1779.
- В — Почерпнутые мысли из Экклезиаста, с присовокуплением первых трех глав из премудростей Соломоновых. Издание третье. М.: Университетская Типография у Н. Новикова, 1786.

Текст печатается с некоторыми орфографическими упрощениями (не воспроизводится твердый знак в конце слова, ять заменяется буквой е, ї — буквой и); в подстрочных примечаниях указываются предыдущие варианты; учитываются изменения стилистического и семантического порядка; не учитываются варианты правописания и знаков препинания; нумерация строф добавлена нами.

М. М. ХЕРАСКОВ

ПОЧЕРПНУТЫЯ МЫСЛИ ИЗ ЭККЛЕЗИАСТА

[Какая премудрость сияет в Экклезиасте,²⁸ сколь разительны разсуждения о суете мира, сколь полезно святое учение тамо²⁹ человеческому сердцу и советы³⁰ колико драгоценны: многия претекши роды с душевным восхищением о том свидетельствовали, и слава Божодухновеннаго Пророка с лучами солнечными не угаснет.

²⁸ А: в книге Экклезиаста

²⁹ А: учение его

³⁰ А: советы его

Но достигнуть великолепия и сладости писания святого Мужа, который восхищался превыше разсуждения простаго человека, предприятие невозможное и силам невдохновеннаго свыше разума запрещенное. Щастлив, ежели тень едину глубокия премудрости его изобразить могу; благополучен, ежели споспешествовать пользе общества подобной случай и возможности находить всегда буду, почитаю, что сие чистое нравоучение роду человеческому всякаго сокровища полезнее.

К труду сему побудило меня сокращение Экклезиаста на французском языке одним великим стихотворцем³¹ недавно изданное. Но как ни того точно перевести, ни всего Экклезиаста во стихи преложить для многих причин не возможно: то, не покидая следов мудраго Пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и что с нашим Писанием нашел несходное, отставил.]³²

1 В кипящей младости моей
Имел в прохладах я забаву,³³
Алкая сердцем и душой
Вкушать житейскую отраву,³⁴
Горька мне сладость ныне та,
Я рек: все в свете³⁵ суета!

2 Богатство, слава и чины
Во младости³⁶ меня польстили;
Но желчию напоены,
Они мне старость возвестили.
Чины, богатство, красота,
Все тень одна и суета.

3 Учения проникнуть тму,³⁷
На всю подсолнечну взираю:
Тма зрима взору моему,³⁸
Теряю свет, и мысль теряю! —
Приятна сердцу простота,
Науки только суета.

³¹ А, Б: стихотворцом

³² Предисловие, отсутствующее в последнем варианте, воспроизводится по изданию В.

³³ А, Б, В: Имел я в роскошах забаву,

³⁴ А, Б, В: Вкушати сладкую отраву,

³⁵ Б, В: в мире

³⁶ А, Б, В: Во цвете лет

³⁷ А: Учения проникнуть мрак

Б, В: Невежества проникнуть мрак,

³⁸ А: Природа сокрывает зрак,

Б, В: Природа закрывает зрак,

- 4 Сияньем ложным обольщен³⁹
 Когда наш ум страстей в неволе,⁴⁰
 Что больше⁴¹ разум просвещен,
 То мучится⁴² и страждет боле.
 Мечтой рождается мечта,⁴³
 И все на свете суета.
- 5 Искал бегущаго души моей покою
 В чертогах кедровых, в садах, у чистых вод,
 Среди певиц моих, в собрании⁴⁴ красот;
 Покою в сердце нет, все ставлю суетою.⁴⁵
- 6 Напитки сладкие и пищу⁴⁶ я вкушал,
 Блестяя⁴⁷ щастием и славою наружно,
 Довольно ль сердце ты? я сердце вопрошал.⁴⁸
 Нет! щастье точное: иметь лишь то,⁴⁹ что нужно.
- 7 Желаньем возгорел⁵⁰
 Людей постигнуть свойство;⁵¹
 Печали в них обрел,⁵²
 Тоску и беспокойство,
 И вредну склонность их
 К вреду себя самих.⁵³
- 8 Трудящийся⁵⁴ не награжден,
 И наг, и сир, и пищи просит;
 Велик⁵⁵ и титлами почтен,
 Кто свету пользы не приносит.

³⁹ Б, В: Коль ум страстями развращен,

⁴⁰ А: Когда твой ум страстей в неволе;

Б, В: Тогда бывает он в неволе.

⁴¹ Б, В: Чем больше

⁴² Б, В: Тем мучится

⁴³ А, Б, В: Мечтою гонится мечта,

⁴⁴ Б, В: в соборище

⁴⁵ А, Б, В: все стало суетою.

⁴⁶ А: От сладка пития и пищи

Б, В: И сладко питие и пищу

⁴⁷ А, Б, В: Украшен

⁴⁸ А, Б, В: в себе я вопрошал?

⁴⁹ А, Б, В: имети то,

⁵⁰ Б, В: Желанием горел

⁵¹ А, Б, В: Постигнуть смертных свойство;

⁵² Б, В: узрел,

⁵³ А: Ко гибели сердец своих.

Б, В: Ко гибели других.

⁵⁴ А: Трудящейся

⁵⁵ А: Любим

Хранящий⁵⁶ истину гоним;
Злодей — и щастлив и любим.⁵⁷

- 9 Кипящей зависти змеи повсюду вьются,⁵⁸
Развратныя⁵⁹ сердца сей фурией сосутся,
И добродетелей печальный слышен глас!⁶⁰
Имеют все в устах, гоня из сердца нас.⁶¹
- 10 Заслуги презрены, таланты без награды;
Друзей не потеряв, лъзя ль истину любить?
Богач, исполненной тщеславныя отрады,
Не верит, может ли голодный нищий быть.⁶²
- 11 Но сам нещастен он! Всегдашнее сомненье,⁶³
Как мутная вода, в душе его течет,⁶⁴
Наследники ему наносят подозренье:
Живущаго в тоске, его печаль грызет.⁶⁵
- 12 Сомнений⁶⁶ смертный полн:
Куда идет, не знает;
То лодка между волн,
Которой ветер играет;⁶⁷
В пространном океане⁶⁸ сем
И ночью реется и днем.⁶⁹

⁵⁶ А: Хранящей

⁵⁷ А: Спокойство жертвуется злым.

Б, В: Слепое щастье служит злым.

⁵⁸ А, Б, В: везде вьются,

⁵⁹ А, Б, В: Безвинныя

⁶⁰ А: И добродетелей плачевный слышу глас:

Б, В: И добродетельных плачевный слышу глас:

⁶¹ А: Никто не утешал гонимых в свете нас.

Б, В: Увы! Не утешал никто гонимых нас!

⁶² А, Б, В: И честность и труды рыдают без награды;

Стремится клевета их голос затрубить;

Богач, исполненной безумства и отрады,

Не знает, может ли нещастный в свете быть.

⁶³ А: всегдашнее волненье,

Б, В: души его волненье,

⁶⁴ А: Его желанья во все страны влечет.

Б, В: Несытый ум его тревожит и влечет.

⁶⁵ А, Б, В: в печали смерть ссечет.

⁶⁶ А, Б: Сумнений

⁶⁷ А: Котору ветер терзает,

Б, В: Котору ветер бросает,

⁶⁸ А, Б, В: Океяне

⁶⁹ А: Рожден погибнути со всем.

Б, В: погибнет он со всем!

13⁷⁰ Что мы ни будем⁷¹ воображать,
То было, есть, и будет вечно;
Друг друга станем⁷² обижать,
И жить всегда безчеловечно;
В подсолнечной премены нет,
И был, и будет тот же свет.⁷³

14 Различны⁷⁴ звания людей
Крушатся, страждут, погибают;⁷⁵
Равно и честный⁷⁶ и злодей
Игрою щастия бывают.⁷⁷
Когда повеет бурный⁷⁸ ветер,
Падет и легкий⁷⁹ лист и кедр.

15 На той же мураве, где агница пасется,
Пасется хищный⁸⁰ тигр, хотящий⁸¹ смерти ей;
В единую земли утробу отнесется
И добрый⁸² человек, разбойник и злодей.

16 Ты славу думаешь приобрести себе:
Умрешь — погаснет все, чем разум ни светлеет;
Никто уж о тебе на свете не жалеет,⁸³
Загладит люта смерть и память о тебе.

⁷⁰ В первых трех вариантах после 12-й строфы следовала еще одна строфа, отсутствующая в издании 1800 г.:

Надежда на земли,
Бросая ложный свет, владеет над сердцами;
Однако не могли
Уверить нас беды, случившиеся с отцами; [А: живущи со отцами;]
А сей сладчайший [А, Б: сладчайшей] яд,
Надежда, по сердцам прольется наших чад.

⁷¹ А, Б, В: станем

⁷² Б, В: станут

⁷³ А, Б, В: равен свет.

⁷⁴ А, Б, В: Несчетны

⁷⁵ А, Б, В: В единой бездне погибают;

⁷⁶ А, Б, В: честной

⁷⁷ А, Б, В: Судеб игралищем бывают.

⁷⁸ А, Б: подует сильной

В: подует сильный

⁷⁹ А: и легкой

Б, В: равно и

⁸⁰ А, Б: хищной

⁸¹ А, Б: хотящей

⁸² А, Б: доброй

⁸³ А: Никто уже тебя ни славит, ни жалеет,

Б, В: Никто уж о тебе во свете не жалеет,

- 17 Исполнен⁸⁴ век напасти,
 Но жити мы хотим;
 Стяжаньем сильной власти⁸⁵
 Себя до смерти льстим:
 Но кто Престолом обладает,⁸⁶
 Кто служит, всех земля сравниет.
- 18 Нещастный⁸⁷ человек!
 Хотя веселие вкушаешь,
 Когда во свете пребываешь,
 Хотя ты кончишь⁸⁸ век,
 Все равная тебе беда!
 И лутче бы рожден ты не был никогда.
- 19 Небытие предпочитаю,
 Когда со бытием равняю⁸⁹
 Сей жизни горесть и труды,
 Печали, скорби и беды;
 Обманчивый надежды⁹⁰ свет,
 Котору мрачный гроб возмет.
- 20 Из праха сотворен,
 Во прах преобратиш[ь]ся,
 Перед скотом гордиш[ь]ся,
 Но чем ты предпочтен?⁹¹
 Родиш[ь]ся ты равно, как скот, и умираешь;
 Безпечно он живет, ты смертью ускоряешь.⁹²
- 21 Известно ли уму
 Вселенная начало?
 Не сведом никому
 Его предел ни мало;⁹³

⁸⁴ А, Б, В: Наполнен

⁸⁵ А, Б, В: И расширеньем власти

⁸⁶ А: Но лев лишенный духа,
 Слабее нежели муха.

Б, В: Но самый червь одушевленный
 Сильный, чем духа тигр лишенный.

⁸⁷ А: Нещастной

⁸⁸ А, Б, В: окончишь

⁸⁹ А: сплетаю

⁹⁰ А, Б: Надежды преходящей
 В: Надежды преходящий

⁹¹ А, Б, В: Но буди ты смирен;

⁹² А, Б, В: И в землю ты себя подобно претворяешь.

⁹³ А: Предел его нимало:

Б: Предел ее нимало:

В: Предел ея ни мало:

Не знаем здесь⁹⁴ дыша,
Куда пойдет душа.

- 22 Но бранный человек
Кончиной ускоряет;⁹⁵
Непостоянству рек,
Морям себя⁹⁶ вверяет;
Не усыпает он для злата от труда,
И сыт не будет никогда.
- 23 Се муж, который, будто кедр,
Главою небесам касался,
Гремящих туч не опасался,
Исторгнут вдруг⁹⁷ из земных недр;
Вселенной наводящий⁹⁸ страх,
Лежит преобращен во прах.⁹⁹
- 24 Гордяся тленной красотой,¹⁰⁰
Красавица сердца прельщает.
Как ранней окропаясь росой,¹⁰¹
Листочки роза¹⁰² распускает;
Но старости наступит¹⁰³ ночь,
Любовники уходят прочь.
- 25 Так все на свете сем минет,¹⁰⁴ пройдет, исчезнет,
Приятна пения не буду слышать я;
Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет,
Померкнут очи,¹⁰⁵ мысль притупится моя.
- 26 Сосуды в ключевых потоках сокрушатся,
И вкус мой услажден¹⁰⁶ не будет уж ни чем;

⁹⁴ Б, В: мы

⁹⁵ А, Б, В: Однако человек
Спокойствие теряет;

⁹⁶ А, Б, В: живот

⁹⁷ А, Б, В: в миг

⁹⁸ А, Б: наводящей

⁹⁹ А, Б, В: преобращенный в прах.

¹⁰⁰ А, Б, В: Сияя в младости красой,

¹⁰¹ А, Б, В: Как утренней скроплен росой

¹⁰² А, Б, В: Цветок листочки

¹⁰³ А: Но мрачна наступает

¹⁰⁴ А, Б, В: падет,

¹⁰⁵ А, Б, В: Померкнет взор и

¹⁰⁶ А, Б, В: обольщен

Трепещущ, слаб, согбен,¹⁰⁷ я стану приближаться
Ко граду вечности,¹⁰⁸ куда мы все течем.

27 Не буду видеть я прелестницы любезной,¹⁰⁹
Кем в горести моей прельщался иногда;
О сладость чувств моих, любезный¹¹⁰ век и слезной!
Как облак ты бежишь,¹¹¹ бежишь ты навсегда.

28 Так быстро, как стрела,¹¹²
Промчится век наш краткой;
Беги, беги от зла!
Питайся жизнью сладкой;¹¹³
Не трать в унынии¹¹⁴ часа,
Который¹¹⁵ нам даруют Небеса.

29¹¹⁶ Да радость дней твоих теченье умножает,
Да скорби человек в забавах погружает;
Утехам сердце отвори,
Но добрыя дела твори.

30 Сия, о смертный! Часть
Тебе¹¹⁷ определена:

¹⁰⁷ А: Трепещущ и согбен,

Б, В: Трепещущ и нагбен,

¹⁰⁸ А, Б, В: К пределу общему,

¹⁰⁹ А, Б, В: Не буду больше зреть сея красы любезной,

¹¹⁰ А, Б, В: прелестной

¹¹¹ А, Б, В: Бежишь ты от меня,

¹¹² А, Б, В: Как быстрая стрела

¹¹³ А: Веди свои дела

Уставом жизни сладкой,

Б, В: Располагай дела,

Клоня их к жизни сладкой;

¹¹⁴ А: Не трать в горести

Б, В: Не трать в горести

¹¹⁵ А, Б, В: Которы

¹¹⁶ В вариантах А, Б, В эта строфа образует шестистишие:

Веселие во век

Тебя да окружает,

Да скорби человек

В забавах погружает;

Утехам сердце отвори,

Но добрыя [А: И добрыя] дела твори.

¹¹⁷ А, Б, В: Судьбой тебе

Вкушай ты жизни сласть,¹¹⁸
Не к бедствам¹¹⁹ создана вселенна;
Со ближними на ней живи
В покое, в дружестве,¹²⁰ в любви.

- 31 В веселье проводи¹²¹ свою цветущу младость,
Но к сердцу загради страстям житейским¹²² путь;
Именей не стяжай: какая в оных радость?
Что взору только льстит,¹²³ то может обмануть.
- 32 Вкушай приятности сего текуща века,
Но Бога не забудь! храни Его закон,
И то в уме тверди: что создал человека,
Дабы на суд к Нему предстал по смерти он.
- 33 Не будьте завсегда¹²⁴ к земным вещам пристрастны;
Во свете что ни есть, во свете все Его;
Богаты, нищие, щастливы, и¹²⁵ нещастны!
Вы гости здесь — Творца любите своего.
- 34 Цветущу как весну,
Твоим прелестну взглядам,
Люби свою¹²⁶ жену.
Внушай премудрость чадам,
О ближних не забудь;
Убогим другом будь.¹²⁷
- 35 Не будь жесток и строг,
Не возжигай в сердцах раздору,
Дабы найти в тебе подпору
Нешастливый и слабый мог.
Будь плачущим полезен —
Прощай порок, и будь любезен.¹²⁸

¹¹⁸ А, Б, В: От сердца отвращай напасть;

¹¹⁹ А, Б, В: Не к бедству

¹²⁰ А, Б, В: в радости,

¹²¹ А, Б, В: В забавах провождай

¹²² А, Б, В: пресеки страстям безумным

¹²³ А, Б, В: Что много веселит,

¹²⁴ А, Б, В: для себя

¹²⁵ А, Б: нищия, щастливыя,

¹²⁶ Б, В: твою

¹²⁷ А, Б, В: Отец убогим будь.

¹²⁸ А: Не буди к слабостям жесток,
Представшей милосерду взору,

- 36 Прекрасныя¹²⁹ страны
Игрою бурь¹³⁰ бывають;
Глад, стужа, и войны
Народы убивають;¹³¹
И самый твердый человек
Не прожил беспорочно век.¹³²
- 37 Когда достаточен, щедроты изливай;
Убогим пищу ты и старцам подавай;
В заплату не ищи от них благодаренья:
Нет слаще ничего для сердца благ творенья!¹³³
- 38 Безсовестных¹³⁴ людей беседы убегай;¹³⁵
На щастие людей завистно¹³⁶ не зриай;
Не оскорбляйся ты злодеев клеветою:¹³⁷
Бог зрит дела твои, и Сам везде с тобою.¹³⁸
- 39 Пылинка человек, и точка в мире сем,
Но от пресветлаго, небеснаго чертога
Взирает на него, печется Бог о нем.
Не бойся никого, о смертный! — бойся Бога.

Чтоб всяк имел в тебе подпору,
Тобю просвещаться мог;
Хотя премудрость и блюдешь,
Но, может быть, как он, падешь.

Б, В: Не буди к слабостям жесток
Представый милосерду взору,
Да всяк найдет в тебе подпору,
И лютый облегчает рок.
Хотя премудрость и блюдешь,
Но, может быть, как он, падешь.

¹²⁹ А, Б, В: Щастливыя

¹³⁰ А, Б, В: Нещастливы

¹³¹ А: Надежду затьмевают;

Б, В: Надежду сокрывают;

¹³² А, Б, В: И злобно время есть,
В которо страждет честь.

¹³³ А, Б, В: Щедрот твоих струи [А: своих поток] повсюду проливай,
И старцов совестных питать не забывай;
Не мысли, будут ли тебя благодарити,
Но помни, что добро природно нам творити.

¹³⁴ А, Б, В: Неистовых

¹³⁵ А, Б, В: презирай;

¹³⁶ А, Б, В: безумных

¹³⁷ А, Б, В: Оставь клеветников со громкою трубою,

¹³⁸ А, Б, В: и царствует тобою.